ДЕКАБРЬ. МОСКВА.—1919 г. Ц. 15 Р.

№ 3-й. „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 3-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Государств. публичная историческая библиотека

СОДЕРЖАНИЕ: Об Анархии. *А. Карелин.* — Стихотворение. *Ольга Приморская.*—Анархисты и социалисты. *Р. Т.*—Я жил одиноким. *Р. Эрманд.*— К обороне революции. *Е. Д-ин.*—М. Метерлинк об анархии.—Анархисты и война. *Анархист.*— Критика предубеждений против анархизма. *А.*— От секретариата.—Библиографический указатель.

ОБ АНАРХИИ.

Слова „анархический коммунизм“ можно перевести на русский язык тремя словами: „безвластие и равенство“. Слова „анархисты—коммунисты“ можно перевести словами: „вольные общинники“, так как слово коммунизм означает не только равенство, но и общинность.

Анархия отнюдь не означает понятия о беспорядке, хотя многие употребляют слово „анархия“ вместо слова „беспорядок“. Многие думают, что в общежитии, незнающим правительства, беспорядки неизбежны. Не так давно еще люди, привыкшие к царской или королевской власти, понимали под словом „республика“ полный беспорядок.

Некоторые буржуазные и социалистические писатели (эти уже сознательно—с целью опорочить анархизм) называют беспорядки современных или феодальных, насквозь пропитанных властью обществ, анархическими. Но вернее было бы назвать тропическим климат северной Сибири, чем беспорядки этих обществ анархическими.

Конечно, далеко не все буржуазные и социалистические писатели так недобросовестны:—„Апостол социализма“ Цезар де Пап писал:—„Анархией должны кончить мы, увлекаемые силой демократического принципа, логикой и фатализмом истории“.

„Анархия—мечта всех возлюбивших истинную свободу, идеал всех истинных революционеров! Долгое время люди клеветали на тебя и недостойно поносили тебя: в своем ослеплении смешивали они тебя с беспорядком и хаосом, в то время, как, наоборот, именно правительство—твой заклятый враг—есть результат социального беспорядка, экономического хаоса! Ты—порядок и гармония, равновесие и справедливость. Тебя еще провидели пророки под покрывалом, скрывающим будущее; они называли тебя идеалом демократии, надеждой свободы, высшей целью революции, владычицей будущих времен, обетованной землей возрожденного человечества. А в нашем веке сколько мыслителей предчувствовали твое пришествие и сошли в могилу, приветствуя Тебя, как приветствовали Искупителя умирающие патриархи. Да придет царствие Твое!“

Так говорил „Апостол“ социализма.

Общество безвластия и равенства невыгодно буржуазии, невыгодно и чиновничеству, так как в таком обществе нет места ни буржуазии, ни чиновникам. Оно не выгодно и богатой интеллигенции, хотя бы и социалистической, так как она лишится в таком обществе своих больших доходов и возможности властвовать.

На учения, невыгодные для богатых и властных людей, всегда клеветали. Клеветали, например, и на первых христиан—людей несравненно более нравственных, чем язычники, а, в особенности, чем высшие классы языческого государства—клеветали, называя христиан врагами общества, сторонниками безпорядка, поджигателями, развратниками, людьми, пьющими человеческую кровь и молящимися ослиной голове.

Во втором веке до Рождества Христова, философ Цельс говорил о христианах:—„Народилась новая порода людей, народилась она недавно: у них нет ни отечества, ни древних традиций, они об'явили войну всем гражданским и религиозным учреждениям, их преследуют законы, их обыкновенно называют негодяями, но они кичатся общественным презрением".

Клеветали на христиан, клевещут и на анархистов.

Тем не менее, в настоящее время достаточно снять с глаз повязку, надетую общежитию политическими партиями для того, чтобы солнце правды блеснуло ярким светом, для того, чтобы прозрели обманутые клеветой люди и поняли, что безпорядок и насилие царят как раз в современных государствах, что они неизбежны и в социалистических государствах.

Анархия, это—такое общество, в котором нет правителей, нет принудительной власти, нет управления человека человеком, нет тех мук, на которые отдают своих подданных правители за то, что первые не повинуются приказу последних.

Благодаря отсутствию принудительной власти, анархия, это—совершеннейший порядок, полное спокойствие, справедливость, единение, содружество, взаимопомощь, сострадание, даже самопожертвование в их самых красивых проявлениях.

Анархия отрицает, считает вредной и унизительной государственную принудительную власть с ее мучениями, с ее ужасными тюрьмами, хуже которых не выдумал бы и собор дьяволов, с ее смертными казнями и другими издевательствами и злодействами.

Отрицая принудительную власть, анархия отрицает и присвоенное государствами „право" угнетать нации, чуждые господствующему населению государства. Анархия отрицает принудительную власть в семье, т.-е. „право" мужа обращать жену в служанку и рабу, делая невыносимой жизнь неповинующейся ему женщины. Анархия отрицает власть родителей, рассматривающих детей, как свою собственность, портящих и мучающих их. Анархия отрицает принудительную власть хозяев,—капиталистов и помещиков—дающую этим господам возможность угрозой голода и голодом заставлять людей, нуждающихся в работе, повиноваться их приказам.

Анархисты знают, что государства, где так плохо живется массам трудящегося люда, исчезнут. Государство, это—антагонистическое (враждующее) общежитие, часть членов которого (правители) обладает принудительной властью, а другая (подданные) не имеют ее. Первые заставляют вторых повиноваться угрозами мучений и мучениями. Правители всегда эксплуатируют подданных путем взыскания податей и захвата разных предметов потребления. Анархия, это—гармоническое (дружное), не знающее принудительной власти общежитие, в котором все добросовестно, по мере своих сил участвуют в общественном, полезном труде и все равно участвуют в пользовании плодами этого общественного труда,—общежитие, в котором невозможны эксплуатация и угнетение одних людей другими.

2-й экз

Человечество существует не менее 100.000 лет. Предполагается, что оно будет существовать многие миллионы лет. Только в течении нескольких тысячелетий мы встречаемся с обществами государствами.

Первобытные люди жили в анархо-коммунистических общинах и только тогда, когда насилие разрушило эти общины, возникли общежития с принудительной властью. К сожалению, как только общежития вольных и равных людей достигали заметного благосостояния, они тотчас же привлекали насильников. Эти насильники рано или поздно покоряли вольное общежитие и вводили в него принудительную власть, развращающую как правителей, так и управляемых.

Но, если насилие не доходило до каких либо общин,—потому ли, что люди жили в плохих природных условиях, (например, на крайнем севере, который не привлекал к себе завоевателей), или потому, что жители таких безвластных общин с'умели дать отпор насильникам,—эти общины сохранили анархо-коммунистический строй.

В таких анархо-коммунистических обществах „нет,—по словам Энгельгардта,—классов, сословий; у них нет злости, нет мстительности; у них отсутствует жестокость и властолюбие" и „отсутствие жестокости, насилия и угнетения естественно связано с отсутствием чувств, являющихся последствием насилия—коварства, подлости и проч.". По словам Табуриеша эти „коммунистические общества отличаются обыкновенно общительностью, нравственностью, мягкостью, свободным развитием чувств, не уродуемых влиянием личного интереса, сознанием собственного достоинства и вниманием к общественному мнению".

Отсутствие принудительной власти в коммунистических обществах отнюдь не вызывало развития преступности, так, например, у эскимосов, у алеутов в течении десятков лет не было ни одного убийства.

Конечно, в коммунистическом обществе не может быть преступлений против собственности, нет и многих других преступлений. „Хотя преступление может быть направлено и не против собственности", писал О. Уайльд,—„все таки вызывается то оно нищетою, гневом, упадком духа, порожденными нашей неправильной системой пользования собственностью, а потому с уничтожением системы, исчезнут преступления. Когда каждый член общества будет иметь достаточно для удовлетворения своих потребностей и перестанет являться конкурентом для своих соседей, у него не будет повода к столкновению с кем бы то ни было". В будущем обществе исчезнут и такие преступления, как преступления ревности.

Современный же строй воспитывает в человеке властные инстинкты собственника. „Моя жена", говорит он и убивает ее, если женщина хочет быть своею, а не его собственностью. Убивает ее потому, что государство на каждом шагу учит его насилию, потому что оно постоянно мучит и убивает людей за неповиновение. В обществе будущего не будет таких ужасных примеров. Исчезнет самый ужасный, самый циничный, зловещий преступник—учитель, исчезнет государство и присущие ему палачи. В обществе свободных и равных создастся величавая, чистая нравственность. Исчезнут возмутительные преступления правителей, а за ними и все преступления. В обществе равных и вольных людей не будет места таким чувствам, как чувства зависти, злости; не будет места таким настроениям, как покорность, холопство и прочее.

А. Карелин.

---

* * *

Любишь черный шелк знамен?
Веришь в гибель злых времен?
Рыцарь Братства и Любви,
Милых, близких отзови
С фронта Злобы и Насилья,
Где купает демон крылья
В братской жертвенной крови!

Светлый рыцарь мне принес
Ветку нежных, черных роз.
Веет сладкая волна,
Но душа моя больна:
Вижу луг, залитый кровью,
Бьется на смерть зло с Любовью,
Там проклятая Война!

Ольга Приморская.

АНАРХИСТЫ И СОЦИАЛИСТЫ.

В первом Интернационале анархисты работали вместе и социалистами государственниками. Борьба К. Маркса и М. Бакунина не мешала в ряде случаев совместной работе анархистов и социалистов на низахъ. Но здесь важно отметить только то, что с момента преобладания анархистов в первом Интернационале, конгрессы Интернационала указывали на солидарность рабочих и на то, что „по вопросу о том, в какой мере политическая деятельность может быть необходима или полезна для наступления социальной революции" — дело каждой федерации или демократической социалистической партии каждой страны „определить ту линию политического поведения, которой они думают держаться". (Брюссельский конгресс Интернационала 1874 г.).

С точки зрения анархистов вполне понятно, что людям надо предоставить право и возможность устраиваться так, как они хотят. Важна общая цель—социальная революция, а если часть членов Международного Товарищества рабочих пойдет к этой цели окольным, не прямым путем, об этом можно только пожалеть, но нет смысла враждовать с такими товарищами.

Как раньше так и в настоящее время, цель анархистов и серьезных социалистов одна и таже. Социалисты, стремясь к этой цели, считают необходимым уничтожить буржуазное государство и класс буржуазии насилием социалистического государства, а анархисты думают, что выбранный социалистами путь не верен, так как всякое, в том числе и социалистическое государство, воспитывает в человеке совсем не те качества, которые необходимы для членов анархического общежития. Они полагают, что класс буржуазии исчезнет в тот момент, когда все виды капиталов будут переданы в общенародное достояние, что может быть достигнуто не путем законодательства, а путем непосредственного действия.

Тем не менее, цель анархистов и серьезных социалистов одна. Одна цель у анархистов и у коммунистов большевиков. Эта цель—анархия, в чем можно убедиться, читая хотя бы книгу лидера коммунистической партии В. И. Ленина „Государство и революция". В том легко

убедиться, вспомнив, что, как Ф. Энгельс, так и К. Маркс считали анархический строй общества той целью, к которой стремятся социалисты. Энгельс предвидел то время, когда „новое, выросшее в свободных общественных условиях поколение окончательно сбросит с себя всю государственную власть“, он предсказывал исчезновение государства, то время, когда общество „поставит государственную машину на подобающее ей место в археологический музей, рядом с прялкой и бронзовым топором“. К. Маркс, в своей книге о парижской коммуне, называя государственную власть „паразитом“, говорил, что она становится совершенно излишней при коммунальном устройстве, а в своем „Частном циркуляре“ писал: „все социалисты подразумевают под анархией следующее: раз будет достигнута цель пролетарского движения—уничтожение классов—,государственная власть, которая служит для того, чтобы держать громадное большинство производителей под игом малочисленного эксплуатирующего его меньшинства, исчезнет и правительственные функции превратятся в простые административные функции“.

Современное нам Российское Социалистическое государство преследует, строго говоря, одну главную цель—исчезновение класса буржуазии путем из‘ятия капитала из частных рук собственников. На первом Всероссийском С‘езде нашей федерации в докладе секретариата эта деятельность характеризуется следующими словами: „Буржуазия является непримиримым врагом рабочего класса, эксплуататором последнего и, подрывая ее материальные силы, правительство коммунистов (большевиков) облегчает нашу работу в деле создания одной из важных предпосылок для перехода к строю вольного рабочего социализма, то есть, к анархо-коммунистическому общежитию.

Своим законом о социализации земли новое правительство не только санкционировало захват крестьянами принадлежавшей землевладельцам земли и принадлежащего им инвентаря, но также и всех принадлежащих помещикам зданий со всей их обстановкой. Помимо этого, закон о социализации дал толчек к захвату земли и тем крестьянам, которые не успели еще захватить ее ко времени октябрьской революции. Таким образом мощная реакционная сила—класс землевладельцев—сразу исчез в России.

Была введена хлебная монополия и оптовые торговцы хлебом сошли со сцены. Национализировались разные отрасли торговли и этим путем вырывалась материальная основа у класса буржуазии. Банки были национализированы и биржуазия потеряла возможность располагать находящимися в них капиталами. По государственным займам правительство отказалось производить уплату капитала и процентов, чем был нанесен новый удар русской буржуазии. Было отменено право наследования и наследства свыше 10 тысяч рублей поступали в собственность правительства СоветскойРеспублики, в силу чего ряды нашей буржуазии постоянно редеют.

Ряд промышленных предприятий перешел в собственность Советской Республики; национализированы чуть ли не все промышленные крупные заведения, хотя многие из них находятся в безвозмездной аренде у бывших владельцев. Пролетарии могут теперь принимать участие в организации производства, хотя и не являются полными организаторами его. Рабочие получают продовольствие по таксированным ценам в большем количестве, чем буржуазия и люди, занятые умственным трудом.

Дома, сдаваемые в городах под квартиры, перешли в собственность Советов.

Рабочие семейства покидают свои нездоровые жилища, переселялись в занимаемые ранее буржуазией квартиры. Были изданы и другие законы, разоряющие буржуазию, лишающие ее основы—ее классового могущества—капитала.

Простая справедливость требует подчеркнуть то обстоятельство, что государство коммунистов (большевиков) проявило себя в борьбе с буржуазией и со старыми, созданными военщиной и буржуазией формами государства мощной разрушающей силой. Новое государство резко отличается от государства старого, так как стало во враждебную позицию по отношению к тому общественному классу, слугой которого государство было в течении многих столетий. Рядом революционных законов, неслыханных в истории государств, государство коммунистов сильно ослабило страшного и безпощадного врага рабочего класса—крупную и среднюю буржуазию.

Правда, подряды, поставки, спекулятивная торговля, некоторые чиновничьи места создают новую, так сказать, буржуазию, но она несравненно слабее буржуазии старой и постоянные выпуски бумажных денег не дают упрочиться и стать силой этой новой буржуазии, с которой по миновении эпохи гражданских и внешних войн, социалистическое государство легко справится.

Нет и тени сомнения, что коммунисты государственники, встав во главе государства, выполнили своими приемами большую часть той гигантской работы, которую несколько другими способами должны бы были, если бы были в силах, выполнить анархисты. Мало этого, они держат фронт против сил реакции, при чем надо помнить, что победа контрреволюционеров грозит у нас гибелью всем завоеваниям революции.

Нет сомнения, что власть есть всегда власть и потому ее деятельность носит совсем другой характер, чем самодеятельность анархистов. Нет сомнения, что в момент той напряженной борьбы, которую переживает Россия, всякое и буржуазное, и социалистическое, и анархическое строительство черезвычайно трудны. Нет сомнения, что в ряде случаев социалисты делают не то, что надо делать по мнению анархистов, что социалисты совершают даже такие акты, которые грозят созидаемому им государству, но анархисты, не увлекаемые вихрем самой заурядной демагогии, и в настоящую историческую минуту, как и во время первого Интернационала, должны помнить, что у них и у коммунистов одна цель, что те и другие не могут не приветствовать уничтожения класса буржуазии, что перед лицом грозного врага—мировой буржуазии, анархисты должны идти вместе с большевиками. В революционную эпоху нет ничего опаснее для дела революции, как борьба между революционерами, стремящимися к одной цели и хотя бы разными способами делающими одну и ту же работу. Эта междуусобная борьба, этот раздор повлечет за собой только уселение реакционных элементов и без того сильных внешней, оказываемой им мировой буржуазией поддержкой.

У анархистов,—к сожалению малочисленных в России,—дела по горло и без борьбы с социалистами и это дело надо упорно и постоянно делать, не увлекаясь шумихой революционных яко бы фраз и тем опасным самомнением, которое требует от всех людей, чтобы все они думали по всем вопросам так, как думаем мы.

Хорошо, что имеются важные точки соприкосновения у анархистов и коммунистов. Хорошо и то, что у нас нет никаких точек соприкосновения с буржуазией—общим врагом и социалистов и анархистов.

Р. Т.

Я жил одиноким.

Я жил одиноким. Могучим Антеем
На землю спускался с надзвездных высот.
Вдруг, тайны поведав преступницам—Феям,
Окончил свой гордый и смелый полет
И стал я безсильным навек Прометеем.
Незримою цепью прикован я в жизни
К печальной и чуждой когда то земле.
И гордая воля о милой отчизне,
Рыдает, склонившись к холодной скале,
И внемлет далекой святой укоризне...

Р. Эрманд.

К обороне революции.

Ни одна из прошлых революций не имела столько врагов, сколько имеет их наша российская революция. Имеет их потому, что она явилась основой мировой революции, охватывающей своим ярким пламенем одну страну за другой. Наряду с этим, российская революция положила, повидимому, конец буржуазно-империалистическим войнам и создала эпоху, быть может. многолетней гражданской войны, которая рано или поздно, но все же уничтожит буржуазно-капиталистическое общество и приведет нас к свободному анархическому социализму.

Вот почему российская революция, в противоположность революциям прошлого, имеет так много жестоких и непримиримых врагов, старающихся всеми силами и средствами уничтожить все ее завоевания и приостановить ее дальнейшее развитие.

Почти все революции прошлых столетий были не только не опасными для господствующих классов, но, в большинстве случаев, эти революции подготовлялись буржуазными классами и буржуазной интеллигенцией, которые прекрасно знали, что их эксплуататорская деятельность может быть развита до максимума только при существовании более либеральной формы правления.

Самым поучительным примером в этом отношении являются Америка, Франция и другие „демократические" страны, где эксплуатация и всякое порабощение трудящихся масс достигло фантастических размеров, достигло крайнего предела в то время, когда в этих странах рабочие и крестьяне проливали свою кров, боролись за свободу, боролись за республику, которая в конце концов не принесла им решительно ничего хорошего.

Точно также и российская революция не была опасна для господствующих классов до тех пор, пока эта революция была только политической. Поэтому то она и не имела тогда столько врагов, сколько она имеет их в настоящее время. Ее врагами были одни лишь черносотенцы-монархисты, которые были для революции жалкими и ничтожными пигмеями, ибо в России монархистов гораздо меньше, чем, например, в республиканской Франции.

На стороне же революции были тогда все революционные, политические, радикальные партии и группы, начиная с анархистов, левых социалистов и кончая либеральными реформаторами—кадетами.

Правда, все эти партии не имели ничего общего между собою в

идеологическом отношении, но, не смотря на это, их об'единяла одна общая идея уничтожения монархического деспотизма.

Но, как только российская революция приняла другой оборот, как только она превратилась из революции буржуазно-политической в революцию социалистическую только тогда у нее появилось слишком много врагов. Очень многие из ее бывших друзей, многие из ее вдохновенных поклонников стали ее жестокими и непримиримыми врагами. С этого момента ее врагами становятся не только монархисты, но также умеренно радикальные буржуа кадеты, подавляющее большинство интеллигенции и некоторые социалистические партии, как например, правые социалисты революционеры и социал демократы меньшевики и это в то время, как одни из них говорят „в борьбе обретешь ты право свое", а другие:— „освобождение рабочих есть дело самих рабочих".

Ее друзьями остались немногие. И, несмотря на то, что между этими немногими нет идейного единения, они продолжают начатое революцией дело, ибо они знают, что революция для своего торжества требует слишком многого. И если им приходится иногда идти на компромиссы, если им нет возможности проводить в жизнь свои идеи, то они знают, что иначе и быть не может, ибо жизнь сильнее и могущественнее тех или других идей и теорий. Как часто эта жизнь разбивает теория, уничтожает иллюзии и идет по своему вечному пути! Об этом говорил еще Гете устами своего Мефистофеля:

„Седа теория, мой друг,
А древо жизни зелено".

Впрочем, иначе и быть не может, ибо спасение революции supréma lex (спасение революции—высший закон). Всякая борьба между левыми революционными течениями могла бы погубить революцию: она могла бы быть ее могильщиком. Эта борьба могла бы отдать революцию в руки различных проходимцев и шарлатанов, хотя бы даже они называли себя Милюковыми и Керенскими.

Попытки подавления рабочей российской революции не прекращаются с самого начала ее существования.

Все, вероятно, помнят брестское перемирие и последовавшее за ним разбойничье нападение немцев на революционную Россию, без всякого предупреждения о продолжении войны.

Обессиленная, утомленная и измученная республика думала, что, если немцы и не устроят у себя революцию, то во всяком случае не будут наступать на нее и не будут уничтожать всех завоеваний рабочих и крестьян. Но эти предположения оказались ошибочными, ибо основные черты немецкого народа, это—шовинизм, национализм, военный триумф и государственность. Его психология — это психология раба, желающего вечно пресмыкаться у ног своего господина.

Это красноречиво подтверждается словами немецких социалистов, которые говорят:—„я раньше немец, а затем социалист". Вот почему были правы те, кто в начале войны говорили: „отливайте пушки и везите их на позиции против Германии". Правы были потому, что немецкий милитаризм был, до его разрушения, величайшей угрозой для каждого еволюционного движения. „Горе побежденным!"—таков был лозунг Германии.

Но в настоящее время, когда раздавлен немецкий милитаризм, когда и Германия оказалась в брестских условиях—в настоящее время англо—французские империалисты стремятся к тому же, к чему стремились и немецкие—стремятся оставить от Республики одно лишь воспоминание.

Они уверены в том, что участь, постигшая Парижскую Коммуну 1871-го года, постигнет и российскую революцию.

Они не только открыто делают нападения на молодую Россию с внешней стороны, но они всячески стараются способствовать восстаниям внутренней контр-революции.

И в этот роковой исторический момент, когда мировая контр-революция хочет восстановить в России черную реакцию, погасив самый светлый факел революции мировой, в этот момент Республика должны помнить о том, что спасти ее могут лишь железо и созидание.

„Побольше экономического созидания для улучшения жизни трудящихся масс!"—это должно быть первым лозунгом революции.

„Побольше железа для уничтожения врагов революции, наступающих на нее со всех сторон! Только огнем и железом можно уничтожить преступные действия врага!"—это должно быть вторым лозунгом революции. Вся же созидательная работа должна производиться самими трудящимися, ибо только в таком случае они будут чувствовать силу в своих руках и будут хозяевами своей жизни. Всякая же творческая работа верховных руководителей никогда не имела никакой ценности и иметь не может, ибо все то, что имеет какую нибудь ценность,—все это создано мозолистыми руками.

Если же народное творчество подавляется верховными руководителями, то по отношению к ним зарождается среди широких народных масс страшная ненависть и сильнейшее негодование. И в том случае, когда революции угрожает опасность, все призывы этих руководителей защите могут остаться голосом вопиющего в пустыне.

Уроки прошлого нам говорят о том, что, если погибали те или иные революции, то они погибали только потому, что для них вырывали могилы верховные руководители, подавлявшие народное творчество, подавлявшие революционный дух трудящихся масс и боевой энтузиазм, который необходим для защиты революции. Они были могильщиками, убивающими всякую самодеятельность всех обездоленных, благодаря чему эти обездоленные говорили, что революция не принесла ничего нового и все осталось по старому.

Пусть та свобода, за которую ведут ожесточенную борьбу рабочие и крестьяне не останется для них пустым звуком,—тогда только они сумеют оценить ее и будут защищать ее от всех реакционных сил, желающих поглотить революцию, будут защищать до тех пор, пока революция не поглотит эти враждебные силы. А для этого то и необходима самодеятельность трудящихся масс, необходимо созидание, не останавливающееся в процессе революции ни на одно мгновение; необходимы огонь и железо!

Такова может быть лучшая оборона Республики и Революции.

Е. Д—ин.

Метерлинк об анархизме.

„Позволительно думать, что абсолютный альтруизм — более крайняя и более близкая к нашей цели точка, чем абсолютный эгоизм и что, равным образом, анархия является более крайней точкой и более близкой к совершенству нашего рода, чем наиболее тщательно и безупречно организованное правительство, такое, например, какое можно себе вообразить на последних границах интегрального социализма. Позволи-

тельно так думать потому, что абсолютный альтруизм и *анархия, являются крайними формами, требующими наиболее совершенного человека*. А несомненно, что мы должны устремлять свой взор в сторону совершенного человека, ибо нужно надеяться, что в эту сторону направляется человечество".

М. Метерлинк.

АНАРХИСТЫ И ВОЙНА.

В 3-м № газеты „Московский Набат" автор одной из статей говорит между прочим, что на испанского анархиста Лоренцо произвел тяжелое впечатление тот факт, что Джемс Гильом и П. А. Кропоткин высказались за необходимость войны с Германией. Думаю, что то сообщение основано на ошибочных данных. Современник Бакунина, старый анархист Лоренцо не мог не знать, как относилися к вопросу о военной защите старые же анархисты Гильом и Кропоткин.

Еще в эпоху первого Интернационала, во время франко-прусской войны 1870—71 года, Д. Гильом высказывался за войну с Германией. В манифесте к секциям Интернационала, написанным им вместе с Бланом, в манифесте, за содержание котораго Д. Гильом принял полную ответственность, он писал 5 сентября 1970-го года следующие слова: „...Республиканская Франция представляет свободу Европы. Монархическая Германия представляет деспотизм и реакцию. Надо, чтобы республиканцы поднялись со всех сторон и шли на защиту Французской республики. Интернационалисты (члены первого Интернационала) это вы должны дать сигнал к такому движению. Во всех странах об'единимся, вооружимся и пойдем, как волонтеры свободы и равенства, для того, чтобы сражаться на ряду с нашими французскими братьями". Д. Гильом настаивал в этом манифесте, чтобы швейцарские секции Интернационала требовали оружия для волонтеров, идущих на защиту Франции.

Высказываясь во время последней войны за необходимость защищаться от немецкаго нашествия на Францию. Гильом повторял свои старые взгляды и, конечно, Лоренцо ничего другого не мог и ждать от Д. Гильома.

Что касается до воззрений П. А. Кропоткина на то, как должны были реагировать анархисты на войну Германии с Францией, то и тут старому анархисту Лоренцо нечему было удивляться и не в чем разочаровываться. Конечно, П. А. Кропоткин был против войны, был антимилитаристом, но, если сильное государство нападало на слабое, как напала Германия на Бельгию, он всегда считал необходимым отвечать силою на военное насилие. П. А. всегда высказывался за покоренные и порабощенные нации. La Revolte, Le Revolté полны его статьями в защиту независимости покоренных или покоряемых народностей Польши, Финляндии, Кавказа, Ирландии, Буров и т. п. Еще в бюллетене Юрской Федерации за 1877 год он писал за балканские народности и доказывал, *почему* они должны быть независимы, полемизируя с Энгельсом и Либкнехтом, видевшими в Боснийском и Герцоговинском восстании только „русские рубли".

Для Лоренцо, знакомого с Д. Гильомом и Кропоткиным, хорошо знавшего, что Бакунин призывал французов к ожесточенной борьбе с напавшими в 1870 году на Францию немцами, не было ничего неожи-

данного и ничего удивительного, что два члена первого Интернационала—Гильом и Кропоткин—высказались за необходимость стать в вооруженном столкновении между Францией и Германией на сторону немцев.

Анархист.

Критика предубеждений против анархизма.

Мы нередко встречаемся с протестами против анархического строя, основанными на явном недоразумении. Так, например, нам говорят, что анархисты являются сторонниками маленьких, состоящих из немногих членов коммун, что поэтому в анархическом обществе невозможно крупное производство. Нам указывают также, что анархисты хотят декретировать отмену государства.

В книге Н. Бухарина „Программа коммунистов (большевиков)“ мы читаем об анархизме следующее; „анархисты думают, что лучше всего, свободнее всего будет житься людям тогда, когда они разобьют все производство по маленьким трудовым обществам коммунам. Набралась компания, артель в десять человек по добровольному согласию—прекрасно. Эти десять человек начинают работать на свой страх и риск. В другом месте возникла другая такая артель в третьем—третья. А потом эти артели начинают входить между собою в переговоры и соглашения: одной не хватает одного, другой другого“, „И вот все производство движется в этих маленьких коммунах“. „Ведь, анархическая коммуна—это не громадное сотрудничество людей, а кучка, которая может насчитывать даже двух человек. В Петербурге, вот, была такая группа: „союз пяти угнетенных“. По анархическому учению может быть и союз двух угнетенных. „Представьте себе теперь, что выйдет, если каждый пяток людей или каждая двойка начнет самостоятельно реквизировать, конфисковать и работать потом на свой страх и риск. В России найдется около ста миллионов трудящегося населения. Если бы оно образовало „союзы пяти угнетенных“, так в России оказалось бы двадцать миллионов (а каждый миллион, это—тысяча тысяч) таких коммун. Можно себе вообразить, какое вавилонское столпотворение стало бы, если бы эти двадцать миллионов коммунок начали бы самостоятельно действовать“.

Все сказанное от начала до конца ошибочно. Ничему подобному анархизм не учит. Начнем с мелочи. В петроградский „союз пяти угнетенных“ входило много больше пяти человек. Под словами „пять угнетенных“ членами союза понималась не наличность пяти человек, а наличность пяти громадных категорий угнетенных, таких, например, как рабочий класс, как женщины, нации и пр... Вот какие обширные категории могли входить в союз угнетенных, о котором Н. Бухарин упоминает в доказательство того, что анархисты признают только маленькие коммуны. Правда, у Штирнера мы встречаемся с указанием на союз двух человек, но выдавать учение Штирнера за учение современного анархизма также несерьезно, как выдавать какой либо из невозможных положений Сен Симона за современное учение социализма или коммунизма.

Один из великих учителей анархизма П. А. Кропоткин определенно говорит о величине анархических общин и говорит нечто буквально противоположное словам Н. Бухарина. „Когда,—пишет он,—буржуазные газеты, желая быть остроумными, советуют дать анархистам особый остров и предоставить им там основать коммуну, то, пользуясь опытом про-

шлого, мы ничего не имеем против такого предложения. Мы только потребуем, чтобы этот остров был „Остров Франции“ (правинция L'ile de France в которой лежит Париж) и чтобы нам отделили нашу долю общественного богатства, сколько его придется на человека“. Таким образом, анархист П. А. Кропоткин требует для основания анархической коммуны два промышленных департамента с городом Парижем, в котором проживают миллионы человек. Еще яснее говорит П. А. Кропоткин следующими фразами: — „один какой нибудь город, если бы он ввел у себя коммунистический строй, не распространивши его на соседние деревни, встретил бы на своем пути очень большие трудности. Ввести коммунистическую жизнь следовало бы сразу в известной области, — например, в целом американском штате — Огайо или Илахо, — как говорят наши американские друзья социалисты. И они правы. Сделать первые шаги к осуществлению коммунизма надо будет в довольно большой промышленной и земледельческой области, а отнюдь не в одном только городе“. Так как П. А. Кропоткин говорит об анархическом коммунизме, то, коммуна, о которой разсуждает Н. Бухарин, то есть коммуна из пяти или даже двух человек, где как и в других таких же маленьких коммунах, будет двигаться „все производство“, — эта коммуна не имеет и тени сходства с анархической коммуной. „Маленькая коммуна не может долго просуществовать“, говорит П. А. Кропоткин и всем понятно, что анархисты отнюдь не являются сторонниками маленьких коммун и никто из них не считает нужным строить, например, локомотив артелью в два человека. Совершенной анархической коммуной будет коммуна, охватывающая весь земной шар. Анархисты прекрасно знают, что чем большей будет коммуна, тем лучше.

Анархисты не думают, конечно, декретировать отмену государства или его уничтожение. Декрет это — излюбленное орудие государственников и не может быть орудием анархистов. Государство исчезнет вместе с исчезновением собственности, исчезнет тогда, когда люди убедятся, что власть правителей так же не нужна им, как проявляемая жрецами или священниками власть мнимых богов. Правда, Прудон говорил о декретировании отмены государства, но путанное учение Прудона черезвычайно далеко от учения современного анархизма и Прудон в своих работах нередко говорил слова, резко противоречащие учению анархистов.

Анархисты знают, что придет время, когда государства исчезнут. Нельзя даже говорить, что анархисты требуют разрушения государства, что они хотят снести его с лица земли. „Если это правильно, в таком случае учения Бакунина, Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархические, которые только предвидят устранение государства. а не требуют его, нужно счесть не анархическими“, говорит Эльцбахер.

А.

Новые книги.

Ал. Атабекян. Кооперация и Анархизм. Москва. Издательство „Почин" 1919 г. Цена 1 р. 50 коп. 10 стр.

Ал. Атабекян. Дух погромный. Москва. Издательство „Почин". 1919 г. Цена 1 р. 8 стр.

Почин. Анархо—кооперативный листок. Ноябрь 1919 г. № 1. Высылается всем желающим в расчете на материальную поддержку со стороны читателей по их усмотрению. Адрес для писем и денег. Москва. 1-й Дом Советов. Ком. 219. А. А. Карелину.

ОТ СЕКРЕТАРИАТА.

Членские билеты за № 501 и № 1376 считать недействительными, как утраченные. Напоминаем товарищам, что с первого января членские билеты должны быть переменены на новые. Для этого, желающие иметь членские билеты товарищи пошлют свои карточки, выданные в 1919 году в секретариат на имя тов. Карелина и получат в обмен новые карточки. Там же, где имеются секретари групп, секретари получат старые членские карточки и напишут в московский секретариат, за какими №№ возвращены членские билеты и сколько членских бланков надо прислать в секретариат местной группы или местной Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А. К. Так говорил Бакунин. Столетний юбилей рождения Михаила Александровича Бакунина. Издание группы „ВОЛЬНОГО ТРУДА" из „Братства Вольных Общинников"—Федерации Анархистов—Коммунистов. 16 стр. (Заграничное издание).

Таже брошюра переиздана в Петрограде Группой Пропаганды Анархо-Коммунистических идей под заголовком: М. А. Бакунин. Так говорил Бакунин стр. 15. Цена 25 коп.

(**Аксельрод.** Статьи в „Общине" Соц рев. Обозрение. Женева. Критика социал демократии).

Алексеев. Речь на суде.

Альбер Шарль. Отечество, война и казарма. Изд. „Поток" и изд. „Равенства" Ц. 12.

Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, т. I, 1909 г.

Амон. Социализм и анархизм.

А. Н. Чикагская драма. 1-го Мая 1886 года. Издание издательской группы „Голос Труда" Нью Иорк 1916 года. Цена 5 сентов. 23 стр.

А. Н. Социал демократия на штутгартском конгрессе и конференция в Христиании 1908 г. (Тип. Буревестник).

Анархия по Прудону. (Гильом).

Анархия. Непериодический орган А К. 4 №№ до Апреля 1910 г. (Заграничное изд).

Анри Эмиль. Декларация Эмиля Анри. Речь Эмиля Анри перед судом. Библиотека „Голос Анархии". № 1. Издание Свободной Ассоциации АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП. Саратов 1918 г. Цена 15 к. Стр. 15.

Апостол Николай. Религиозно-анархические идеи Льва Толстого и современный политический психоз. Изд. 3, дополненное 1919 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Р. Небольшой сборник, в котором помещены статья А. Р. (А, А. Карелина) С'умеют ли рабочие обойтись без хозяйской власти? Рассказ Кочевого: За мир. Стихотворение „Песня кузнецов", подписанная С. Т. (Семена Таблицкого) Издание Русской Рабочей Группы в Нью Иорке. Нью Иорк. 1912 г.

Арну. Народная история парижской коммуны. 1907 г.

Арну. Мертвецы коммуны. Издательство „Книга" Петроград. Цена 15 к. стр. 16.

Атабекян Ал. Против власти. Сборник статей м. 1918 г. Изд. „Почин" 79 стр. Цена 2 р. 75 коп.

Открытое письмо П. А. Кропоткину. 8 стр.

Просим товарищей посылать в редакцию добавления к библиографическому указателю.

Атабекян Ал. Кровавая неделя в Москве (Впечатления и размышления очевидца гражданской войны) М. 1917 г. 16 стр. Цена 30 коп.

Социальные задачи домовых комитетов. Очерк городского общественного строя без власти и принуждения. Москва. Изд. „Почин" 31 стр. 1918 г. Цена 50 коп.

Старое и новое в анархизме. Москва. Издательство „Почин" 1918 г. Стр. 22. Цена 40 коп.

Перелом в анархическом учении. Москва. Издательство „Почин" 1918 г. Стр. 14. Цена 20 коп.

Вопросы теории и практики. Об анархической литературе, тактике и организации. Москва. Издательство „Почин". 1918 г. Стр. 16. Цена 25 коп.

Возможна ли анархическая социальная революция? Москва. 1918 г. Изд. „Почин". Цена 15 коп.

Основы земской Финансовой Организации без власти и принуждения. Москва. 1918 г. Стр. 15. Цена 30 коп.

Великий опыт. Москва. Издательство „Почин" 1919 г. стр. 16. Цена 1 руб. 50 коп.

Б. **(А. Карелин)** Вольный город. (Без обозначения года). Парижское издание. Типография „Молот".

Бакунин М. А. Бог и государство (Разные издания: Бунтаря, Солдата и гражданина, Солидарности и пр.)

Письмо к французу о современном кризисе. Пер. с франц. Ф. С.

Кнуто-Германская империя и социальная революция. Книгоизд. Москва, 1907 г. Стр. 123.

Историческое развитие Интернационала. Со ст. Прудона 1874.

Первый опыт социальной революции. Москва. Издание Равенства 40 стр. Цена 10 коп.

Государство и анархия. 1873 г.

Усыпители. Издание Равенства. Москва. Цена 12 коп.

Романов Пугачев и Пестель.

Организация Интернационала. Политика Интернационала ц. 16к.

Воззвание к славянам. Цена 12 к.

Две речи на конгрессе, Лиги мира и свободы. Цена 10 к.

Всесветный союз социалистической демократии. Изд. Ладыж. Берлин.

Полное собрание сочинений. 2 тома. Изд. Балашева.

Избранные сочинения. 1 т. Лондон. 1915 г. Стр. 338. Значение Бакунина в интернац. револ. движении. Речи и статьи по славянскому вопросу. Речи на конгрессах Лиги Мира и Свободы. Политика Интернационала. К товарищам М. А. Рабочих. Бог и государство. Наша программа.

Избранные сочинения. Том 1-й Государственность и анархия. С биографическим очерком В. Черкезова. Петербург. Книгоиздательство Голос Труда, 1919 г. Цена 30 р. стр. 320.

Русским, польским и всем славянским землям. (загр. изд.)

(Готовятся к печати 2 т. Кнуто-Германская империя и социальная революция. 3 т. Федерализм, социализм и антитеологизм. Медведи Берна и медведь Петербурга. Славянский вопрос и др. 4 т. Организация Интернационала. Усыпители. Письма о патриотизме. Письма Французу. Парижская Коммуна и др.)

Так говорил Бакунин. Издание группы пропаганды Анархо-коммунистических идей. 25 к. (Отрывки из работ М. А. Бакунина и его краткая биография, написанная А. Карелиным).

Бертоле П. Новое Евангелие. Изд. Русск. Раб. Группы в Нью-Иорке (перевод под редакцией А. Карелина). Изд. Издательской группы анархистов города Одессы. Одесса 1918 г. Ц. 50 к. П. Бертло. Евангелие часа. Перевод с Есперанто А. Пикильгавский. Изд. Временно Осведомительного бюро анархистов России. 1918 г. ц. 40 к. Склад Харьков.

Бардина С. Речь на суде. Изд. Группы. рус. А. К.

Речь Софьи Бардиной. Изд. союза русских рабочих в Н.-Иорке.

Бертони Луиджи. Необходимость революции и Ошибки революционеров в брошюре Г. Сандомирского: Луиджи Бертони. Вождь швейцарских рабочих. Москва. Изд. Почин. 1919 год.

Богословский Ив. Вл. Вопросы жизни 1905 г. С. Петербург. Стр. 662. Цена 2 р. 50 к.

Развитие жизни, 1907 г. С. Пет.

Три сестры. Сказка анархистов-коммунистов Ив. Вл. Богословского. 2-е издание. Петроград 1917 год. Цена 65 коп. Стр. 100.

Г. Богацкий. Думы Борца. Издательство „Враг Цепей". 1918 г. Библиотека Непримиримых Анархистов. Стр. 14.

Боровой А. Анархизм. Библиотека „Революция и культура" Москва 1918 г. Стр. 169.

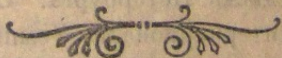
Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм) Книгоизд. Союз Труда. М. 1917 г. 2-е. изд. Цена 90к.

Общественные идеалы современного человечества. Либерализм, социализм и анархизм. М. 1917 г. Изд. Н. В. Петрова.

Класс, партия и интеллектуальный пролетариат. Изд. Н. В. Петрова.

История личной свободы во Франции. Т. т. I. II. Москва, 1910 года.

И под тем же заглавием ответ реценз. Моск. Универс. М. 1911 г.

Типография Н. Желудковой, Большая Якиманка, 32.